

Коллективная память

DOI: 10.19181/inter.2022.14.4.5
EDN: VWTABN

Память о репрессированных: онлайн-ритуал коммеморации «Возвращение имен»¹

Ссылка для цитирования:

Даутова Т. Е. Память о репрессированных: онлайн-ритуал коммеморации «Возвращение имен» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 4. С. 89–109. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.5>. EDN: VWTABN

For citation:

Dautova T. E. (2022) The Memory of the Repressed: Online Ritual of Commemoration "Returning the Names". *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 4. P. 89–109. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.5>.

Даутова Татьяна Евгеньевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
E-mail: te.dautova@gmail.com

В данной статье мы рассмотрим формальное и содержательное расширение акции-ритуала коммеморации репрессированных «Возвращение имен», а также эмотивную характеристику участия в этой акции. Память о репрессиях — трудная память, инициативы по поддержанию которой скорее идут «снизу», от относительно малоресурсных акторов. В этом контексте интернет представляется перспективной площадкой для трансляции такой памяти. Мы рассмотрим перформативность ритуала коммеморации, способ, каким участники ритуала участвуют в памятовании и высказывают свою политическую и гражданскую позицию, оценивают репрессии и эмоционально соотносятся с ними. В статье используются эмотивные маркеры (аффект, эмоции, оценки) как спектр выразительности для проговаривания трудного прошлого. Было проанализировано 157 отобранных в социальных сетях постов. Согласно полученным результатам, онлайн-коммеморация трудного прошлого в большей степени связана с употреблением оценочных суждений, нежели со следами аффекта или даже эмоций, а значит, способы говорения

¹ Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

о репрессиях во многом сформированы, хотя язык, дискурс не исчерпывает всей полноты переживаний участников.

Ключевые слова: аффект; память; перформативность; репрессии; ритуал; цифровые следы; эмоции

Введение

В данном тексте мы рассмотрим, как изначально офлайновая акция-ритуал памяти о репрессированных расширяется по форме и содержанию, распространяясь на онлайн-пространство. Репрессии — трудное прошлое, публичный нарратив о нем многослоен и неоднозначен, коммеморация о нем — часто удел низовых инициатив, уступающих государству в ресурсах. В этом контексте интернет может быть площадкой, где низовые инициативы могут быть воплощены.

В качестве кейса мы выбрали акцию «Возвращение имен — 2020»¹, которая заключается в публичном чтении краткой информации о репрессированном человеке. Из года в год акция, проводимая правозащитной организацией «Мемориал»², проходила офлайн, но с 2020 года вынужденно перенесена в онлайн. По предложению организаторов участники делятся видео с тематическим хештегом, а также (вероятно, по собственной инициативе) публикуют посты с этим хештегом (такие посты публиковались и ранее 2020 года). Мы обратились к трансляции акции, чтобы реконструировать форматы участия в этом коммеморативном ритуале, к постам — за поиском индивидуальных смыслов участия в ней. Вслед за Дж. Сантино [2019] мы привлекаем важное для нашего анализа понятие перформативности коммеморативного ритуала — обращение как к памяти, так и к социальным аспектам настоящего, как следствие, расширение смыслов и форм ритуала. Мы фиксируем, как участники воспроизводят память о репрессированных и как осовременивают эту тему сегодня. Публикуя свои посты с тематическим хештегом акции, они участвуют и в памятовании, выстраивают преемственность межпоколенческой памяти о трудном прошлом и высказывают свою гражданскую позицию.

Обращаясь к памяти о трудном прошлом, лишенном единого публичного нарратива (впрочем, возможен ли он?), мы привлекаем эмотивные маркеры, встроенные в высказывания участников: следы аффекта, эмоции, оценки. Такое решение обусловлено высоким градусом переживаний тех, кто неравнодушен к сложному периоду отечественной истории, а также в связи с судьбами родных и близких. Аффект можно определить как слишком интенсивную эмоцию или как нерелексируемое, нефиксируемое социализированным языком

¹ В последующие годы, 2021 и 2022, подтвердился тренд на онлайн-коммеморацию сталинских репрессий. Более того, в 2022 году акция состоялась в Москве исключительно онлайн — в формате стрима, будучи не поддержанной московским правительством.

² «Мемориал» — международное НКО, занимающееся правозащитной, исследовательской и благотворительной деятельностью. Признан иностранным агентом в России.

переживание [Массуми, 2020]. Именно ввиду своей ограниченной артикуляции аффект кажется релевантным в ситуации, когда не до конца понятно, как о трудном прошлом нужно и можно говорить. Эмоции и оценки представляют другой уровень выражения — они категоризированы, культурно означены. Мы предлагаем зафиксировать эти реакции как возможный спектр, таким образом обосновывая степень того, насколько социальный язык способен выразить чувства относительно трудного прошлого.

Трудная память о репрессиях

Память о репрессиях советского времени в России — трудная память. Хотя государство временами предпринимает попытки присвоить нарратив о трудном прошлом [Malinova, 2018] или даже поддерживает инициативы по коммеморации репрессированных [Эппле, 2020; Богумил, Романов, 2018], оно все равно остается скорее эклектичным в своем обращении к этому прошлому [Malinova, 2018]. Разговор о репрессиях затрудняется отсутствием понимания, как его можно выстраивать [Эткинд, 2016]. Даже краеведческие музеи, хоть и содержат сюжет репрессий, не включают его в общий локальный исторический нарратив [Gavrilova, 2021]. Память о репрессиях оказывается периферийным сюжетом и на уровне общества, оставаясь инициативой скорее отдельных людей [Khazanov, 2008], имеет «низовой» уровень [Юдин и др., 2016], хотя и такие инициативы памяти о репрессиях сталкиваются с препятствиями [Эппле, 2020; Эткинд, 2004]. Такая память обычно сосредоточена на репрессированных, а репрессировавшие и их потомки остаются в забвении [Зевако, 2022].

Память в интернете

Поскольку с темой памяти о трудном прошлом мы вступаем на поле *memory studies*, кратко очертим наши диспозиции. Коллективная, или социальная, память — репрезентации прошлого, релевантные в настоящем и разделяемые на групповом уровне [Conway, 2010; Olick, Robbins, 1998; Halbwachs, 1980], они могут быть множественными [Winter, 2010; Erll, 1997] и даже противоречивыми [Schwartz, 2016; Conway, 2010]. Память — это сложное поле с множеством акторов: историками, государством, музеями, книгами, школой, учебниками, опытом отдельных граждан. Коммеморация прошлого — это практики его репрезентации, действия и объекты [Shwartz, 2016].

В этом множестве релевантных сюжетов нас интересуют публичные ритуалы коммеморации. Публичный коммеморативный ритуал — это коллективное совершение действия с целью памятования. Ритуальность проявляется в трансформационном или подтверждающем характере совершаемого действия [Сантино, 2019]. Это действие перформативно, потому что «заставляет нечто случиться» [Сантино, 2019: 19]: с одной стороны, такой ритуал актуализирует некоторое видение прошлого, воспроизводит память, а с другой — может затрагивать

социальные проблемы настоящего. Перформативный коммеморатив соединяет личное и публичное. Смысл, задачи, цели ритуала могут переопределяться по его ходу, интерпретироваться организаторами, участниками, наблюдателями по-разному, а потому приводить к различным итогам. В связи с перетеканием коммеморации из офлайн в онлайн мы предлагаем определять коммеморативный ритуал шире, нежели фокусируясь на непосредственном событии, акции. Коммеморация как сфокусированная цепь действий вокруг этого ритуала далее не затухает, производя оформленные платформой цифровые следы в их динамике. Фоновая память предъясняется в том числе и в цифровом виде, на различных платформах, где участники могут делиться фото, видео, текстами и т.д., которые сохраняются в интернете и переходят в ранг цифровых следов.

В интернете пользователи относительно легко могут участвовать в ре-трансляции различных образов прошлого, интернет более демократичен [Хлевнюк, Максимова, 2021], а потому оказывается площадкой «культур со-участия» [Хлевнюк, Максимова, 2021; Дженкинс, 2019]. Социальная память множественна [Conway, 2010; Confino, 1997], интернет же — еще один медиум для развития этой множественности, или фрагментарности [Khlevnyuk, 2019]. Хотя институционально сильные игроки типа профильных инстанций государства обладают большими ресурсами для трансляции своего видения прошлого (например, через контроль над системой образования, путем назначения памятных дат) [Malinova, 2018; Armstrong, Crage, 2006], тем не менее в интернете и «сильные», и «слабые» могут транслировать память. Более того, память о трудном прошлом, тем более публичную, можно также рассматривать как активизм с использованием памяти (memory activism) [Merrill и др., 2020], а с учетом расширения акции в сети, с помощью хештега — как цифровой и хештег-активизм [Dobrin, 2020].

Итак, первоначально очный (офлайн) ритуал коммеморации расширяется в интернете за счет хештега и облегчает содержательный поиск. В контексте памяти о трудном прошлом интернет с его демократичностью оказывается потенциально продуктивным пространством для трансляции памяти низовыми акторами. Такая память даже может рассматриваться как цифровой активизм в контексте лакун публичного разговора о сталинских репрессиях. Особенно учитывая, что перформативный ритуал обращается не только к памяти о прошлом, но и к проблемам настоящего.

Далее мы реконструируем коммеморативный ритуал и в особенности его расширение в сети, зафиксировав формы участия в акции коммеморации и эмотивные маркеры участия (аффект, эмоции, оценки в сетевых постах участников), и представим результаты содержательного анализа.

Аффект, эмоции и оценки в выражении социальной памяти

Память и коммеморативные практики сопряжены с аффектом, эмоциями, оценками. Участвуя в коммеморациях, индивиды не просто воспроизводят память, но еще и переживают, чувствуют релевантный этой памяти аффект

[Winter, 2010]. Аффект рассматривается в различных коммеморациях как нечто, уже заложённое в самом месте, и/или переживаемое телом [Knudsen, Ifversen, 2017].

В литературе нет единого принятого определения аффекта и не всегда обозначена граница (если она подразумевается) между аффектом, эмоциями, чувствами, переживаниями и так далее [Завадский и др., 2019]. Аффект может рассматриваться более широко и включать в себя эмоции как частное проявление, «культурно маркированную аффективную реакцию» [Деева, 2010: 137]. Брайн Массуми определяет аффект как нерелексируемое, нефиксируемое социализированным языком переживание, то есть такое, которое не может быть описано языком категорий. В этом смысле аффект отличается от эмоций — переживаний, которые могут быть описаны и категоризованы (например, гнев, любовь, страх и т.д.) [Массуми, 2020; Мунго, 2016], а также от оценочных суждений (например, «глупый», «вредный», «хороший»).

Как в таком случае изучать аффект? Фиксированный в языке аффект — это оксюморон. Когда аффект «фиксируется», он перестает быть аффектом [Массуми, 2020]. В изучении аффекта также можно отталкиваться от того, что это более сильное чувство, нежели то, для которого находятся слова (как, например, для эмоций или оценочных суждений). И тем не менее это сильное чувство может быть так или иначе выражено, хоть и не в привычных эмоциональных или оценочных категориях: «аффект: не укладывающийся в привычные эмоциональные режимы интенсивности физических ощущений, *выплескивающийся* в письмах» [Николаи, 2018: 234]. В современных исследованиях связи памяти и аффекта предлагается, к примеру, полисенсорный подход к изучению мест наследия: изучение взаимоотношения чувств, эмоций, ощущений и памяти. Признавая за аффектом его чувственную природу и неосознанность, исследователь описывает цепочку означивания чувств: ощущения (*sensory experiences*) могут стать чувствами (*feelings*), чувства — эмоциями, которые затем могут перерасти в формы знания и социальные действия [Sather-Wagstaff, 2017].

Говоря о репрессиях как о «трудном прошлом», лишённом единого публичного нарратива, мы предполагаем, что аффект, ввиду своей ограниченной артикуляции, может быть как тема актуален при обращении к памяти об этом прошлом (то есть в ситуации, когда непонятно, как об этом прошлом точно нужно и можно говорить). Мы предлагаем придерживаться менее радикальных взглядов и рассматривать проявления аффекта в попытках выразить сильные чувства, не находящие выражения в языке эмоций или оценочных суждений. Тогда аффект — это невыразимость, сильные, трансгрессивные чувства, недостаток слов, сложности в их подборе. Например, обращения к телу, к метафорам, восклицания и междометия, многоточия, обценная лексика. С опорой на современные исследования, которые демонстрируют возможность перехода недискурсивного аффекта в дискурсивные эмоции, знание, социальные действия [Sather-Wagstaff, 2017], мы можем предположить связь аффекта, эмоций и оценок.

Кейс и его специфика

Памятная акция публичного чтения имен репрессированных «Возвращение имен» проводится с 2007 г. в центре Москвы на Лубянской площади у привезенного с Соловков¹ камня, она также распространилась и по другим городам России и за рубежом. Акция организовывалась некоммерческой организацией «Мемориал»² ежегодно 29 октября, в канун Дня памяти жертв политических репрессий, с 10 до 22 часов. В 2020 году в связи с пандемией коронавируса организация публичных мероприятий в Москве была ограничена: «Возвращение имен» перенесли в онлайн-формат. «Мемориал» — правозащитная организация, скорее либеральная, у нее сложные отношения с государством³, и это, можно предположить, сказывается на характере акции. Помимо того, что сама по себе тема репрессий — сложная тема для государства, так еще и память о ней сохраняется силами организации, повестка которой расходится с «официальной».

В рамках онлайн-акции приглашали всех желающих получить на сайте краткую информацию о трех репрессированных людях и зачитать ее на видео, после чего прислать файл организаторам или опубликовать в социальной сети с хештегом «#возвращениеимен». Круг участников не ограничивался Москвой. 29 октября 2020 г. организаторы устраивали трансляцию, в которую включали присланные или найденные в социальных сетях по хештегу видео. В итоге в трансляцию вошли ролики из разных уголков страны и мира. В то же время это остается московской инициативой, так как акциями в регионах обычно занимались локальные филиалы. Вероятно, это сказалось и на участниках: по крайней мере итоговая выборка постов показывает, что Москва превалирует.

Методология, выборка, сбор и анализ данных

Мы обратились к трансляции, чтобы зафиксировать формы участия, возможные в рамках акции. Помимо частных видео, с хештегом публиковались текстовые посты, фотографии, а также посты от различных групп или общественных организаций. Как показывают результаты поиска, посты под хештегом публиковались и ранее 2020 года. Встречаются публикации, приуроченные к другим релевантным акциям (например, другим чтениям, таким как

¹ Соловки — первый советский исправительно-трудовой лагерь особого назначения, по примеру которого возникли и другие лагеря системы ГУЛАГ.

² «Мемориал» — международное НКО, занимающееся правозащитной, исследовательской и благотворительной деятельностью. Признан иностранным агентом в России.

³ Наиболее яркий пример — собственно признание организации иностранным агентом (2016) и её ликвидация (2022). Также см., например: «Мемориал» обвинил власти Москвы в срыве акции памяти жертв репрессий // Ведомости. 19.10.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/10/19/784183-memorial> (дата обращения: 01.11.2022); О ситуации со Школьным конкурсом Мемориала // Уроки истории. 22.04.2017. URL: https://urokiistorii.ru/school_competition/news/o-situacii-so-shkolnym-konkursom-memo (дата обращения: 01.11.2022).

«Молитвы памяти»¹, «Голоса Памяти»²). То есть можно заметить расширение первоначально предложенного коммеморативного ритуала, причем не только посредством цифровой среды, но и через связи с другими тематическими мероприятиями. Акция, апеллирующая к памяти о сталинских репрессиях, вызывает резонанс или существует в резонансе с другими подобными акциями. Иными словами, предложенный формат актуализации памяти не только находит отклик у участников акции, но и проявляется в других схожих акциях (аудитория которых может отличаться — например, апелляция к религиозным ритуалам в случае «Молитвы памяти»).

В фокусе нашего интереса были цифровые следы — сохранившиеся на момент сбора посты участников акции по хештегу «#возвращениеимен». Отбирались посты, созданные в 2020 году на личной странице, доступные по поиску, содержащие собственный текст автора (более одного слова). В итоге было отобрано: из «ВКонтакте» (VK) — 30, из «Твиттера» (TW) — 15, из «Инстаграм» (Инст.) — 76, из «Фейсбука» (ФБ) — 36³, то есть всего 157 постов⁴. Для анализа эмотивных маркеров (так мы будем обобщенно называть аффекты, эмоции и оценки) было закодировано 59 постов, так как только в них они были обнаружены, большинство — из «Фейсбука», «ВКонтакте» и «Инстаграма», из Москвы, от женщин. Далее при описании результатов анализа мы используем не все посты. Цитаты пронумерованы в соответствии с кодовым номером автора (всего в статью вошли цитаты 31 автора) и по возможности сопровождаются данными по полу, городу и источнику. Пунктуация и орфография авторов постов сохранены.

Мы кодировали в соответствии с логикой тематического анализа. В начале мы задали три категории для анализа постов: смыслы, мотивация участия и эмотивные маркеры. Далее мы кодировали тексты постов, в основном *in vivo*, то есть прямым цитированием, в соответствии с этими категориями. Затем эти цитаты внутри категорий содержательно группировали в темы, представленные в анализе.

Мы также провели экспертные интервью с пятью организаторами акции: четырьмя сотрудниками «Мемориала» и одним волонтером, чтобы выяснить их оценки происходящего в рамках ритуала.

¹ «Молитва памяти» — акция чтения имен репрессированных, организованная Преображенским братством совместно с христианской церковью в России. Ежегодно 30 октября. URL: <https://molitvapamyaty.ru/> (дата обращения: 02.06.2022).

² Чтения имен расстрелянных на Бутовском полигоне (Москва).

³ В России среди людей среднего и старшего возраста популярна также социальная сеть «Одноклассники» — там не было обнаружено соответствующих постов.

⁴ Поиск «Фейсбука» выдает посты «по популярности», не поддающейся определению, понять, доступны ли нам все посты, не удалось. Были исключены посты, отсылающие к другим акциям. Отметим, что в целом поиск по хештегу выдал гораздо больше постов (без текста, фото): более тысячи, но совокупно за 2020 и более ранние годы.

Результаты

Субъективные форма и смысл участия в онлайн-ритуале

Мы называем акцию «Возвращение имен» ритуалом, так как усматриваем в ней совершение некоторого метадействия (поминания) посредством перечня последовательных действий (чтение имен и кратких биографий по очереди). Рассматриваемый нами ритуал коммеморации имеет определенный сложившийся ранее порядок участия в нем: есть ожидания относительно того, что участники будут делать. Эти ожидания заложены организаторами ритуала, но они также утвердились за счет постоянного повторения. Приходя на акцию, участники видели, что нужно делать, глядя на других или же опираясь на свой предыдущий опыт участия. Тем не менее едва ли можно говорить о жесткой фиксированности смысловой и формальной частей акции. «Внешнему» наблюдателю акция может показаться неизменной. Однако ритуал разворачивается сложнее: участники могут приходить с именами или историями своих родственников, добавлять короткие высказывания от себя или пытаться добавить более длинные (что, по словам информантов, происходит редко и пресекается). Более того, ритуал продолжается в цифровом формате (к чему мы и обращаемся) — у него есть «цифровые следы»: посты, фотографии, которыми люди делятся в социальных сетях. Цифровой формат участия дает больше свободы выхода за рамки имени, возраста, должности, даты расстрела: участники могут делиться своими мыслями по поводу акции, репрессий, прошлого, настоящего и прочее. Подобные комментарии распаковывают прежнюю форму ритуала, делают ее более гибкой и построенной на взаимодействии в сети.

Расширение ритуала участниками оценивается организаторами неоднозначно, Организаторы акции — сотрудники «Мемориала»¹, которые участвуют в подготовке и проведении акции, — по-разному относятся к отступлениям участников (при очном чтении). Для одних это в порядке вещей: *«Если они говорят что-то другое, то окей, значит, они так помнят»* (ж., сотрудница 1). Или даже ожидается: *«Это возможность высказать свою позицию и в отношении прошлого, и в отношении настоящего»* (м., сотрудник 2). В то время как другие находят это неуместным по разным причинам. С одной стороны, организованная акция как бы в себе уже несет идею недопустимости ограничений гражданских свобод, а потому не стоит смещать фокус в эту сторону в ущерб основному замыслу — поминовению:

*«Лишняя минута, которую ты поговорил о том, что нужна свобода политзаключенным — **мы все за свободу политзаключенным**, — означает, что какой-то человек не успеет прочитать свое имя, которое ему дали на листочке»* (м., сотрудник 3).

С другой стороны, напротив, акция позиционируется как идеологически нейтральная, а потому злободневные отступления излишни: *«Это немножко*

¹ «Мемориал» — международное НКО, занимающееся правозащитной, исследовательской и благотворительной деятельностью. Признан иностранным агентом в России.

разрушает цельность этой акции. Она по идее **не должна иметь идеологию**» (м., сотрудник 4). Отступления также проблематизируются как излишняя индивидуализация в ритуале, который, напротив, направлен на общность (солидаризацию и унификацию?):

«Везде, где человека больше как индивидуального, его меньше как общественного. В данном случае не так уж хорошо. Это скорее отношение к общности, а не для того, чтобы показать свое отношение» (м., сотрудник 4).

Таким образом, участие в ритуале коммеморации хоть и предполагает определенную форму и содержание, все равно может в каких-то пределах видоизменяться усилиями самих участников. Чтение имени и краткой биографии остается основой участия в данном ритуале, хотя и возможны некоторые отступления, «каденции» со стороны участников. Форма ритуала, с одной стороны, задается организаторами, а с другой — подхватывается, поддерживается и расширяется участниками. Можно предположить, что посредством таких каденций участники реализуют свои личные интересы, потребности, связанные с «общим» ритуалом. Очевидно неоднозначное отношение самих организаторов к такому расширению. Вероятно, в такой ситуации выражение собственных взглядов и историй в формате постов оказывается более удачным/демократичным вариантом, не нарушающим задуманный ход акции, но открывающим возможность саморепрезентации участников. В то же время сами опрошенные организаторы не создавали формат этой акции, а значит, поддерживают уже сложившийся порядок ее проведения и, в каком-то смысле, остаются наблюдателями.

Мы реконструировали субъективные смыслы коммеморации, а также предъявляемые участниками мотивы вовлечения в ритуал коммеморации. Смысл, который вкладывают участники в коммеморацию, имеет разночтения: это и про память, и про высказывание о проблемах прошлого и настоящего, например, о правах человека: *«День памяти всех расстрелянных, пропавших в застенках, отсидевших в ГУЛАГе»* (автор 11, ж., Москва, ТВ); *«Советского Союза давно нет, а репрессии никуда не делись, и их масштаб нарастает с пугающей скоростью»* (автор 21, м., Москва, Инст.). Обращение к правам человека не только в прошлом, но и в настоящем, транслирует идею гражданских свобод как некой универсалии:

*«День — катарсис, когда смятение, страх, гнев, преобразуются в намерение поддерживать память, в упрямую **веру гражданских свобод**»* (авт. 18, ж., Москва, Инст.).

По текстам постов мы реконструируем мотивы участников. Мотивы участия в ритуале опять же представляют некоторый континуум, но, тем не менее, объединяются ритуалом коммеморации. Участников в ритуал может

приводить не только желание почтить память своих родственников или же пострадавших людей в целом:

«Еще мы дети, внуки, правнуки тех, кто прошел этот ужас. <...> Все, что мы, их потомки, можем сейчас, это не забывать» (авт. 15, ж., Москва(?), Инст.).

Но и интерес к теме, спровоцированный, напротив, тем, что репрессии семьи не коснулись:

*«Так вышло, что моя семья практически не столкнулась с репрессиями. <...> Так что я **чувствую себя частью страны**, у которой есть **секрет**, который меня как бы не коснулся. И мне очень интересно все, связанное с ним»* (авт. 9, ж., Санкт-Петербург, ВК).

Или присутствует желание продемонстрировать свою позицию относительно прав человека, репрессий: *«Не только потому, что в свое время репрессии затронули мою семью. Это просто-напросто бесчеловечно»* (авт. 23, м., Москва, Инст.). И высказать их недопустимость: *«Невозможно все это знать и НИЧЕГО не делать»* (авт. 7, ж., Франция, ФБ). Участники также обращаются к своим чувствам, которые приводят в ритуал коммеморации: *«Это **трогает мое сердце**, и поэтому я участвую»* (авт. 7).

Среди высказываний участников можно заметить обращения к некой общности «нас», к «нашим» жизням, к обществу: *«**Мы** не должны позволять этому повториться, а **мы** уже позволяем»* (авт. 29, ж., Москва, ФБ). Такую размытость субъекта, манифестацию групповой принадлежности, коллективистский язык можно рассмотреть как указание на эффект солидаризации ритуала, осознания принадлежности к общности, разделения посылов коммеморативного ритуала с участниками.

Высказывания участников в основном посвящены тем, кто совершал репрессии и тем, кто от них пострадал, при этом поминовение направлено именно на последних. Хотя в постах встречаются и случаи, когда участники предлагают вспомнить человека, совершавшего репрессии, но без «позитивного» намерения помянуть, а скорее осудить:

*«Всплывает, словно из глубин моря, **пронзает душу** — каким человеком был капитан Матвеев, который день за днем, аккуратно и добросовестно делал свою работу — лично из нагана расстрелял 1111 человек»* (авт. 29, ж., Москва, ФБ).

Из интервью мы узнаем, что бывают случаи, когда на акцию открыто приходят потомки репрессированных, рассказывая за своих родственников. Более того, в списки репрессированных нередко попадают и те, кто репрессировал, а потому и их «имена» оказываются «возвращены». Тем не менее акция выходит скорее «несимметричной» [Ассман, 2014] относительно памяти

о субъектах и объектах репрессий, так как уклон идет в сторону последних, хотя граница и может смещаться.

Распределение акции по нескольким социальным сетям уже подтверждает тенденции, описанные в литературе: интернет размывает границы, способствует фрагментарности памяти. Сам формат акции — публикация на личных страничках — с одной стороны, приводит к тому, что публикации получают индивидуальными, атомизированными, они принадлежат конкретным профилям пользователей. С другой стороны, с помощью заданного хештега они включаются в общее пространство акции и таким образом воссоздают фрейм некой группы, для которой данная память жива, а коммеморация актуальна.

Таким образом, форма и смысл ритуала расширяются самими участниками: как в том, что они содержательно привносят в ритуал (историю своей семьи, высказывания на актуальные социально-политические темы — делая ритуал перформативным), так и в том, где формально они его продолжают (в социальных сетях, публикуя посты с хештегом). Акция-ритуал оказывается онлайн-пространством, куда могут «прийти» люди с разными намерениями и найти место для их воплощения. Хотя спектр этих намерений явно не бесконечен и так или иначе ограничивается интересом к репрессиям как к трудному прошлому, а также, для некоторых, как к актуальному настоящему.

Далее мы проведем более подробный анализ содержания постов участников и рассмотрим их эмотивный репертуар участия — аффект, эмоции и оценки.

Эмотивный репертуар участия в онлайн-ритуале

Эмотивное состояние (аффекты, эмоции, оценки) — эмпирически важная составляющая участия в ритуале коммеморации. «Трудное прошлое», к категории которого относятся сталинские репрессии, оказывается темой без выработанного единого публичного нарратива, то есть остается непонятным, как о репрессиях стоит и позволено говорить. Поэтому кажется оправданным обращение к недискурсивному аффекту как способу отношения к этой теме. Репрессии остаются сложной темой не только для выражения в языке, но и для отражения чувств людей, что мы и хотим здесь зафиксировать. Аффект же далее может, по мере того как работает «дискурсивная машина означивания», переходить в дискурсивные эмоции, знание, социальные действия [Sather-Wagstaff, 2017], и мы действительно отмечаем такой процесс в артикулированных текстуальных позициях участников.

Мы выделили темы, которые возникают в высказываниях участников и которые сопряжены с эмотивными маркерами. Это репрессии (оценки и переживания по поводу репрессий), субъекты репрессий (отношение к инициаторам, исполнителям), осуждение эпохи/режима, жертвенность, а также ритуал коммеморации (ощущения участников, одобрение участников, одобрение акции). В целом можно говорить о негативном отношении к трудному прошлому (репрессиям, исполнителям/инициаторам, к эпохе/режиму). Эмпатийно участники относятся к погибшим от репрессий («жертвам»), к акции-ритуалу, поминающей этих погибших, к участникам этой акции.

Такие оценки ожидаемы: государственные профильные институции о таком не часто говорят, а низовые инициативы осуждают это трудное прошлое.

В качестве аффекта мы фиксировали интенсивные переживания. Например: «Ужас» (авт. 15, ж., Москва(?), Инст.), соматический язык, обращения к телу: «Особенно **ломит ребра**» (авт. 1, ж., Москва, ФБ); «Но **сердце** знает правду, достаточно его услышать...» (авт. 27, ж., Москва, Инст.), восклицания и паузы в речи (множество вопросительных знаков, восклицательные знаки, многоточия). «Вечная память. **Люблю. Горжусь. Скорблю**» (автор 4, ж., Москва, ФБ) — как пример обращения к дискурсивным эмоциям. Наконец, пример метафор и оценок: «**Чудовищная эпоха**» (авт. 28, ж., Москва(?), ФБ); «**Советский террор — все 70 лет этого ада**» (авт. 14, ж., Москва, ТВ).

Участники артикулируют ужас и жестокость репрессий, используя сильные оценочные слова, например: «Сгинула в кровавой мясорубке ГУЛАГа» (авт. 26, ж., Москва, Инст.); «Жуткая мясорубка» (авт. 6, м., Москва, ФБ); «Этот ужас» (авт. 15, ж., Москва(?), Инст.). Называют репрессии «травмой»: «Огромная травма невероятного количества людей» (авт. 15), — что может быть аффективным проявлением отношения к теме, если рассмотреть травму в психоаналитическом понимании — как нерелексируемый разрыв опыта и сознания, невозможность осознать произошедшее и выразить это в языке. Оценки также передают озабоченность массовостью репрессий.

Притом оценки формулируются как за счет прилагательных-квалификаций: «Жуткая мясорубка» (авт. 6, м., Москва, ФБ); «Миллионы **уничтоженных и искалеченных** судеб» (авт. 23, м., Москва, Инст.), так и за счет метафор: «**Каток той репрессивной машины**» (авт. 2, ж., Ульяновск(?), ВК).

Более того, участники пытаются передать масштабность еще и за счет регистра, как бы повышая тональность написанного, что мы можем отнести к проявлению аффекта: «**ТАКОЕ количество жертв**» (авт. 7, ж., Франция, ФБ); «Невозможно все это знать и **НИЧЕГО** не делать» (авт. 7, ж., Франция, ФБ). Аффект относительно репрессий проявляется и в том, как участники используют язык тела, соматические метафоры: «**Голова, сердце, тело отказывается понимать произошедшее**» (авт. 1, ж., Москва, ФБ); «Гудит и ломает от боли все **тело**» (авт. 1, ж., Москва, ФБ). Следы аффекта также в вопрошаниях-восклицаниях, усиленных множественными знаками препинания: «Что это??? Как??» (авт. 1, ж., Москва, ФБ), а также междометиями: «Господи» (авт. 1). Наконец, маркером аффекта может быть и категория «боли» — опять же ощущения скорее физического, но вызванного нефизическими факторами: «Признать, взять ответственность, значит — облежить **боль**, дать возможность правде проявиться» (авт. 15, ж., Москва(?), Инст.).

Относительно субъектов репрессий — инициаторов и исполнителей — участники тоже используют оценочный язык. Например, оценивая их как «мразей и подонков» (авт. 5, м., Москва, ФБ), «палачей» (авт. 5; авт. 8, ж., Тамбов, ВК; авт. 16, м., Псков, Инст.), «убийц» (авт. 16, м., Псков, Инст.). Участники могут высказываться и более конкретно, например, в отношении Сталина: «**Существо, чьему чучелу в нашей стране до сих поклоняются**» (авт. 20, ж., Москва, Инст.), опять же прибегая к оценочному языку, хоть и иносказательно,

не называя напрямую объект своей оценки. Действия субъектов — участников репрессий вызывают в участниках не только негативные оценки, но и аффективное переживание. Например, участница обращается даже не к физическим, а к «душевным» ощущениям: «**Пронзает душу** — каким человеком был капитан Матвеев» (авт. 29, ж., Москва, ФБ).

Через сильные негативные оценки участники описывают эпоху: «*Мерзевшая, чудовищная эпоха*» (авт. 28, ж., Москва, ФБ). Советский террор оценивается как «трагедия» и «ад»: «*Ушедший век был для нашего Отечества не только столетием великих побед, но и эпохой трагедий*» (авт. 19, Инст.). Высказываются и более «аккуратные», с меньшим градусом, оценки: «**Грустные страницы нашей истории**» (авт. 19), оценки, граничащие с эмоциями (грусть). Сталинизм, сталинская эпоха, сталинский режим получают отдельное внимание в постах участников: «*Преступления сталинизма*» (авт. 9, ж., Санкт-Петербург, ВК); «*Сталинская бесчеловечная система*» (авт. 13, ж., Санкт-Петербург, ВК). Пожалуй, эту категорию высказываний можно рассматривать совместно с осуждением субъектов репрессий, где отдельно выделяется личность Сталина.

Относительно людей — объектов репрессий участники выражают положительные оценки и эмоции. Например: «*красивые имена*», «*любимые мои*» (авт. 24, ж, Инст.), «*замечательный человек, памятью которого я очень дорожу*» (авт. 17, ж, Инст.). Участники используют категорию «жертв», что уже само по себе оценка, так как транслирует безвинное страдание репрессированных (например, можно было бы считать, что репрессированы были люди, которые этого заслужили, и категоризировать их как преступников, предателей, наказанных, и прочее). Но формула «жертв» заложена уже в самом названии Дня памяти жертв политических репрессий, к которому акция приурочена. Идея невинности и мученичества развивается в постах: «*Невинно осужденных и убитых*» (авт. 8, ж., Тамбов, ВК); «*Миллионы сломанных судеб, убитых, замученных в лагерях и детских домах*» (авт. 25, ж., Москва(?), Инст.).

Акция-ритуал положительно оценивается участниками: «*Хорошее дело*» (авт. 3, ж., Москва(?), ФБ); «*Куда **полезней** самых красивых литературных чтений*» (авт. 5, м., Москва, ФБ); «*Возможность*» (авт. 30, ж., Москва, ФБ). Участвовать оказывается настолько хорошо и важно, что, упустив эту возможность, человек негативно себя оценивает: «*Прочитать имена я не успеваю, потому что **чучело**, которое не сопоставило даты и дни недели*» (авт. 2, ж., Москва, ВК). Незнание об акции кажется странным: «*Удивляюсь, что так мало людей знает об этом событии*» (авт. 31, ж., Москва(?), ФБ).

Чувства оказываются не просто средством выражения для участников. Чувства приводят в ритуал: «*Это **трогает мое сердце**, и поэтому я участвую*» (авт. 7, ж., Франция, ФБ). Чувства оказываются пресуппозицией для участия или условием для самоотбора на акцию, именно способные «чувствовать» становятся участниками (но только ли?): «*Как бы хотелось сейчас стоять в очереди к камню, видеть, что ты не один, есть еще в этой стране **адекватные, чувствующие люди***» (авт. 12, ж., Москва, Инст.). Наконец, чувства в контексте ритуала выступают в качестве триггера для когнитивных действий — «задуматься», помнить, «верить в гражданские свободы»: «*Можно **послушать***

и **ужаснуться** бесконечности списка. А **ужаснувшись — задуматься**» (ужас — разновидность аффекта) (авт. 2, ж., Москва, ВК); «**День — катарсис**, когда смятение, страх, гнев, **преображаются** в намерение поддерживать память, в упрямую веру гражданских свобод» (страх, гнев — сильные реакции) (авт. 18, ж., Москва, Инст.).

Таким образом, эмотивный репертуар участия (аффект, эмоции, оценки) составляет актуальную рамку для анализа языка, который используют участники. Более того, чувства приводят в ритуал, а также преобразуются в нем. Выражение чувств в языке действительно можно разложить на эти три «уровня». Само наличие аффекта говорит о невыразимости тех или иных переживаний участников коммеморации. С другой стороны, надо признать, что эта невыразимость частичная. Так, эмоции и аффект примерно одинаковы по частоте проявления: около пятой части постов приходится на употребление каждой категории, притом доля зафиксированных эмоций даже чуть меньше. Большинство же — более половины постов с эмотивными маркерами — содержали именно оценки трудного прошлого в отношении различных его предметов/тем¹. Эмоции и оценки иногда пересекаются: «*Грустные страницы нашей истории*» (авт. 19, Инст.).

Можно предложить представить репертуар участия в виде континуума «невыразимость (аффект) — попытка найти слова (эмоции) — выразимость (оценки)» (в сокращенном и обобщенном виде мы представляем этот континуум в таблице 1, сохраняя некоторые наглядные примеры; читать сверху вниз). По выражению самих участников, аффект или эмоции могут стать триггером для переработки ощущений в когнитивные действия, подобная динамика уже была описана другими исследователями памяти [Sather-Wagstaff, 2017]. Таким образом, в данном коммеморативном ритуале мы видим наличие разных «уровней» выразимости субъективных ощущений участников, тем самым подтверждая целесообразность выделения аффекта в отдельную категорию [Массуми, 2020].

Таблица 1

Континуум репертуара эмотивного участия

Невыразимость (аффект)	Попытка найти слова (эмоции)	Оценки
<i>Голова, сердце, тело отказывается понимать произошедшее (1)</i>	<i>Люблю (4)</i>	<i>Мерзейшая, чудовищная эпоха (28)</i>
<i>Пронзает душу (29)</i>	<i>Скорблю (4)</i>	<i>Жуткая мясорубка (6)</i>
<i>Это трогает мое сердце (7)</i>	<i>Страх (18)</i>	<i>Мрази и подонки (5)</i>
<i>Облегчить боль (15)</i>	<i>Удивляюсь (31)</i>	<i>Любимые мои (24)</i>

¹ Мы обращаемся к такому подсчету с целью показать относительные доли эмотивных маркеров, отобразить их соотношение в конкретном случае, который нам довелось задокументировать. Полученные доли не составляют 100%, так как в некоторых постах может быть более одного типа эмотивного маркера (например, эмоции и оценки).

Мы заметили, что большая доля в высказываниях приходится на оценки, затем — на аффект и эмоции. Это говорит о том, что переживания в разной степени проработаны и хотя могут быть выражены языком, но еще есть место неотрефлексированным, невыраженным полноценно в категориях эмоций или оценок переживаниям, то есть аффекту.

Заключение и дискуссия

На фоне скорее «низового» характера памяти о трудном прошлом — сталинских репрессиях — демократичность интернета оказывается многообещающей перспективой для трансляции такой памяти. И действительно, акция «Возвращение имен» продолжается в «цифре» — в интернете, причем даже не за счет усилий организаторов, а благодаря инициативе-отклику участников, подхватывающих предложенный хештег. На примере акции «Возвращение имен» мы показали видоизменение ритуала, который ищет формы воплощения и солидаризации за пределами рамок оригинального ритуала. Цифровые следы ритуала сохраняются в сети и позволяют реактивно обращаться к формам и смыслам участия, транслируемым участниками.

Как выяснилось, коммеморативный ритуал перформативен: он не только привлекает внимание к прошлому, но и обращается к социальным и политическим проблемам настоящего: участники высказываются о недопустимости репрессий в прошлом и настоящем, о государстве, о правах человека. Учитывая формат, подобные высказывания можно рассмотреть как цифровой и хештег-активизм.

Акция становится пространством поминовения репрессированных и осуждения репрессировавших. Первым «возвращают имена», вспоминают их истории, вторые — в основном оказываются обезличенной группой «преступников». Память получается снова скорее «несимметричной» — о «жертвах» помнят больше, чем о «палачах», а для симметрии, как писала Ассман, нужны голоса и тех, и других (их потомков). Хотя намерение говорить о репрессировавших явно прорывается: даже если сам формат акции этого не предполагает, в постах возникает эта тема.

Участники расширяют формат ритуала: как за счет того, что привносят свои смыслы, так и за счет того, что продолжают ритуал в сети. Включенность и творчество показывает их отклик на эту память и на предложенный формат. Когда люди сами создают цифровые следы (посты), они воспроизводят эту память, или — в рамке, развиваемой Хлевнюк и Максимовой [Хлевнюк, Максимова, 2021; Дженкинс, 2019; Khlevnuyk, 2019] — акция «Возвращение имен» оказывается площадкой для культуры соучастия организаторов и откликнувшихся. С другой стороны, расширение ритуала может оцениваться неоднозначно, как показали интервью с организаторами.

Мы реконструировали способы высказывания в постах в виде аффектов, эмоций и оценок, которые участники демонстрируют в своих постах и с помощью которых они утверждают те или иные смыслы акции (перформативность).

В качестве особенности аффекта мы выделили недискурсивность (хотя и продолжали искать его в дискурсе, но обнаруживали через дискурс соматический и паралингвистический — обращение к телесным метафорам, использование пауз-многоточий и т.д.), противопоставляли его эмоциям и оценкам. Мы приходим к выводу, что онлайн-среда позволяет задокументировать такие, казалось бы, сложно фиксируемые реакции. Посты оказываются более свободным форматом для участников, где, в отличие от непосредственного чтения имен, они вольны добавить что-нибудь от себя, а потому именно там мы скорее наблюдаем обозначенные способы говорения. Можно предположить, что такие цифровые следы акции даже в большей степени позволяют фиксировать переживания участников, чем непосредственно офлайн-наблюдение за чтением имен (хотя есть невербальные реакции — например, слезы, но их порой сложнее проинтерпретировать, чем то, что мы видим в тексте).

Обращаясь к эмотивному репертуару участников — аффекту, эмоциям, оценкам, мы отметили, что обращение к теме трудного прошлого в рамках ритуала коммеморации в большей степени происходит за счет употребления оценочных суждений, нежели аффекта или даже эмоций. Можно предположить, что способы говорения о трудном прошлом во многом сформированы, хотя язык, дискурс не исчерпывает всей полноты переживаний участников. В то же время интересно, что сами участники отмечают свои переживания как возможные триггеры для перехода от чувственного уровня к когнитивному или уровню действий — подобная динамика рассматривается в нерепрезентативных теориях [Sather-Wagstaff, 2017], расширяющих объект изучения социальных наук за счет дискурсивных практик [Micieli-Voutsinas, 2017].

Кроме того, посты обнаруживают использование коллективистского языка, обращение к конструкту «мы — нам», что указывает на манифестацию принадлежности к некоторой общности, на солидаризацию участников ритуала, хоть и вовлекаемых в ритуал с разными мотивами и интерпретациями ритуала. Можно предположить, что продукт ритуала — групповым образом сформированная позиция с эффектом солидаризации или поддержка и воспроизводство этой позиции и солидаризации.

Мы также склонны интерпретировать, что данная коммеморация существует за счет резонирования с потребностями, чувствами участников. Предоставляя публичное онлайн-пространство для открытого выражения этих чувств, оценок, мотивов, ритуал коммеморации, возможно, компенсирует недостаток публичного, институционально поддержанного разговора на тему трудного прошлого.

Остаются под вопросом границы акции и масштаб отклика на нее. С одной стороны, границы заданы тематическим хештегом, хотя хештег используется и в рамках других схожих акций. Трансляция акции длится 12 часов (что соответствует ее обычной длительности при офлайн-проведении, притом в последние годы далеко не все успевали прочесть имена), и, по словам организаторов, не все присланные видео были включены в эту трансляцию ввиду ограничения хронометража. Акция в онлайн-формате не ограничивает участников географически, например, только Москвой, в чем опять же

проявляется демократичность цифровой памяти, хотя проанализированные посты оказались в основном московскими. Остается непонятным — для кого трансляция? Например, на 9 июня 2022 года запись трансляции в YouTube¹ набрала около 7 тысяч просмотров, 283 отметки «нравится» и 8 комментариев. Много это или мало? Кто те люди, что смотрели ее? Смотрели ли они полностью или отрывками? С другой стороны, вероятно, само по себе участие в акции уже ценно для участников и сочувствующих, разделяющих этот образ трудного прошлого, эту память.

В дальнейшей исследовательской перспективе можно обратиться к участникам ритуала лично, а также провести сравнительный анализ с другими кейсами, например, с религиозными акциями или теми, что поддерживаются государством. В цифровое продолжение акции нужно углубляться: анализировать контекст, взаимодействие и профили участников. Память в интернете порой предлагает нам больше возможностей, чем мы можем охватить, будучи ограничены временными и иными ресурсами.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое Литературное Обозрение, 2014.

Богумил З., Романов Р. «Стена скорби», музей ГУЛАГа и другие практики мемориализации жертв советских репрессий. Интервью Зузанны Богумил с Романом Романовым // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2018. Т. 10. № 2. С. 157–163.

Деева М. От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюркгеймианская традиция в социологии эмоций // *Социологическое обозрение*. 2010. Т. 9. № 2. С. 134–154. EDN: [NTYQOX](#)

Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик, 2019.

Завадский А., Склез В., Суверина К. Предисловие. Разум и чувства: публичная история в музее // *Политика аффекта: музей как пространство публичной истории* / Под ред. А. Завадского, В. Склеза, К. Сувериной. М.: Новое Литературное Обозрение, 2019.

Зевако Ю. В. Тема «Потомков Палачей» в дискурсе памяти об эпохе политических репрессий (2/2 2010-х — начало 2020-х гг.) // *Журнал фронтирных исследований*. 2022. Т. 6. № 2. С. 26–46. DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i2.392> EDN: [EJGBPI](#)

Массуми Б. Автономия аффекта // *Философский журнал*. 2020. Т. 13. № 3. С. 110–133. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-3-110-133> EDN: [GRPPAN](#)

Николаи Ф. В. Рец. на кн.: Сергей Ушакин, Алексей Голубев (ред.). XX век: письма войны. Антология военной корреспонденции // *Антропологический форум*. 2018. № 37. С. 233–243. EDN: [OУНСKV](#)

Сантино Дж. Перформативные коммеморативы: спонтанные святилища и публичная мемориализация смерти // *Фольклор и антропология города*. 2019. Т. 2. № 1–2. С. 14–26. EDN: [LQBQPT](#)

Хлевнюк Д. О., Максимова А. С. Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Кольма» в социальных сетях // *Интеракция*. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 28–46. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.2>

Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое Литературное Обозрение, 2020.

¹ Общество Мемориал. Возвращение имен. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jX2IW4aqQzM> (дата обращения: 09.06.2022). Общество Мемориал признано в России иноагентом.

Эткинд А. М. Время сравнивать камни. постреволюционная культура политической скорби в современной России // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 33–76. EDN: PCZPPH

Эткинд А. М. Кривое горе: Память о непогребенных. М: Новое литературное обозрение, 2016.

Юдин Г. Б., Хлевнюк Д. О., Максимова А. С., Фархатдинов Н. Г., Рожанский М. Я., Васильева Е. Ю. Аналитический отчет «Какое прошлое нужно будущему России?». 2016.

Armstrong E. A., Cragg S. M. Movements and Memory: The Making of the Stonewall Myth // *American Sociological Review*. 2006. Vol. 71. № 5. P. 724–751. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/000312240607100502>

Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // *The American Historical Review*. 1997. Vol. 102. № 5. P. 1386–1403. DOI: <https://doi.org/10.1086/AHR%2F102.5.1386>

Conway B. New Directions in the Sociology of Collective Memory and Commemoration // *Sociology Compass*. 2010. Vol. 4. № 7. P. 442–453. DOI: <https://doi.org/10.1111/J.1751-9020.2010.00300.X>

Dobrin D. The Hashtag in Digital Activism: A Cultural Revolution // *Journal of Cultural Analysis and Social Change*. 2020. Vol. 5. № 1. P. 1–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.20897/jcasc/8298>

Erll A., Rigney A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. 2009. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110217384.0.1>

Gavrilova S. Regional Memories of the Great Terror: Representation of the Gulag in Russian Kraevedcheskii Museums // *Problems of Post-Communism*. 2021. P. 1–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10758216.2021.1885981>

Halbwachs M. *The Collective Memory*. New York: Harper & Row, 1980.

Khazanov A. M. Whom to Mourn and Whom to Forget? (Re)constructing Collective Memory in Contemporary Russia // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2008. Vol. 9. № 2–3. P. 293–310. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14690760802094917>

Khlevnyuk D. O. Narrowcasting Collective Memory Online: “Liking” Stalin in Russian Social Media // *Media, Culture & Society*. 2019. Vol. 41. № 3. P. 317–331. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443718799401>

Knudsen B. T., Ifversen J. Commemoration, Heritage, and Affective Ecology—The Case of Utøya // *Heritage, Affect and Emotion—Politics, Practices and Infrastructures* / Ed. by D. P. Tolia-Kelly, E. Waterton, S. Watson. London: Routledge, 2017. P. 219–236.

Malinova O. U. Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia // *Cultural and Political Imaginaries in Putin’s Russia* / Ed. by N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa. Boston: Brill, 2018. P. 85–104.

Merrill S., Keightley E., Daphi P. Introduction: The Digital Memory Work Practices of Social Movements // *Social Movements, Cultural Memory and Digital Media* / Ed. by S. Merrill, E. Keightley, P. Daphi. 2020. P. 1–30. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-32827-6_1

Miceli-Voutsinas J. An Absent Presence: Affective Heritage at the National September 11th Memorial & Museum // *Emotion, Space and Society*. 2017. Vol. 24. P. 93–104. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.emospa.2016.09.005>

Munroe L. Constructing Affective Narratives in Transatlantic Slavery Museums in the UK // *Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infrastructures*. 2016. P. 114–132.

Olick J. K., Robbins J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. № 1. P. 105–140. DOI: <https://doi.org/10.1146/ANNUREV.SOC.24.1.105>

Sather-Wagstaff J. Making Polysense of the World // *Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infrastructures* / Ed. by D. P. Tolia-Kelly, E. Waterton, S. Watson. New York: Routledge, 2017. P. 12–31.

Schwartz B. Rethinking the Concept of Collective Memory // *Routledge International Handbook of Memory Studies* / Ed. by D. P. Tolia-Kelly, E. Waterton, S. Watson. New York: Routledge, 2016. P. 9–21.

Winter J. Introduction. The Performance of the Past: Memory, History, Identity // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe / Ed. by K. Tilmans, F.V. Vree, J.M. Winter. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 11–35. DOI: <https://doi.org/10.5117/9789089642059>

Сведения об авторе:

Даутова Татьяна Евгеньевна — студент магистратуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: te.dautova@gmail.com. **ORCID:** [0000-0001-8152-1817](https://orcid.org/0000-0001-8152-1817); **ResearcherID:** [GYV-5843-2022](https://pubs.acolyon.org/urn:lsid:imsl.org:GYV-5843-2022).

Статья поступила в редакцию: 05.11.2022

Принята к публикации: 10.12.2022

**Memory of the Repressed: Online Ritual of Commemoration
“Returning the Names”¹**

DOI: [10.19181/inter.2022.14.4.5](https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.5)

Tatyana E. Dautova HSE University, Moscow, Russia
E-mail: te.dautova@gmail.com

In this article, we will consider the formal and semantic extension of the action-ritual of commemoration of the repressed “Returning the Names”, as well as the emotional characterization of participation. The memory of repressions is a difficult memory, that is more likely to be maintained “from below” — relatively low-resource actors. In this context, the Internet seems to be a promising platform for broadcasting such memory. We will consider the performativity of the ritual of commemoration, that is, the way how the participants of the ritual participate in remembrance and express their political and civic position, evaluate repressions and emotionally refer to them. In the article we use emotive markers (affect, emotions, evaluations) as a range of expressiveness for talking about difficult past. We analyzed 157 selected in social networks publications. According to the results obtained, online commemoration of the difficult past is more associated with the use of value judgments, rather than with traces of affect or even emotions, which means that ways of speaking about repressions are largely formed, although the language, discourse does not exhaust the fullness of the participants’ experiences.

Keywords: affect; digital traces; memory; emotions; performativity; repressions; ritual

References

Armstrong E. A., Crage S. M. (2006) Movements and Memory: The Making of the Stonewall Myth. *American Sociological Review*. Vol. 71. No. 5. P. 724–751. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/000312240607100502>

Assman A. (2014) *Ten’ Proshlogo: Memorial’naya kul’tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: NLOBooks. (In Russ.)

¹ This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

Bogumil Z., Romanov R. (2018) "Stena skorbi", muzej GULAGa i druge praktiki memorializacij zherstv sovetskih repressij. Interv'yu Zuzanny Bogumil s Romanom Romanovym [The "Wall of Sorrow", the Gulag Museum and Other Practices of Memorializing Victims of Soviet Repression. Interview of Zuzanna Bogumil with Roman Romanov]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 10. No. 2. P. 157–163. (In Russ.)

Confino A. (1997) Collective Memory and Cultural History: Problems of Method. *The American Historical Review*. Vol. 102. No. 5. P. 1386–1403. DOI: <https://doi.org/10.1086/AHR%2F102.5.1386>

Conway B. (2010) New Directions in the Sociology of Collective Memory and Commemoration. *Sociology Compass*. Vol. 4. No. 7. P. 442–453. DOI: <https://doi.org/10.1111/J.1751-9020.2010.00300.X>

Deeva M. (2010) Ot individual'nogo k razdelyaemomu affektu: postdyurkgejmianskaya tradiciya v sociologii emocij [From Individual to Shared Affect: the Post-Durkheimian Tradition in the Sociology of Emotions]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 9. No. 2. P. 134–154. (In Russ.) EDN: [NTYQOX](https://www.edn.ru/NTYQOX)

Dobrin D. (2020) The Hashtag in Digital Activism: A Cultural Revolution. *Journal of Cultural Analysis and Social Change*. Vol. 5. No. 1. P. 1–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.20897/jcasc/8298>

Epple N. (2020) *Neudobnoe proshloe: pamyat' o gosudarstvennyh prestupleniyah v Rossii i drugih stranah* [An Inconvenient Past: the Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: NLOBooks. (In Russ.)

Erl A., Rigney A. (2009) *Introduction: Cultural Memory and its Dynamics. Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110217384.0.1>

Etkind A.M. (2016) *Krivoje gore: Pamyat' o nepogrebennyh* [Crooked Mountain: The Memory of the Unburied]. Moscow: NLOBooks.

Etkind A.M. (2004) Vremya sravnivat' kamni. postrevolyucionnaya kul'tura politicheskoy skorbi v sovremennoj Rossii [It's Time to Compare the Stones. Post-revolutionary Culture of Political Grief in Modern Russia]. *Ab Imperio*. No. 2. P. 33–76. (In Russ.) EDN: [PCZPPH](https://www.edn.ru/PCZPPH)

Gavrilova S. (2021) Regional Memories of the Great Terror: Representation of the Gulag in Russian Kraevedcheskii Museums. *Problems of Post-Communism*. P. 1–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10758216.2021.1885981>

Halbwachs M. (1980) *The Collective Memory*. New York: Harper & Row.

Jenkins G. (2019) *Konvergentnaya kul'tura. Stolknovenie staryh i novyh media* [Convergent Culture. The Clash of Old and New Media]. Moscow: RIPOL Classic. (In Russ.)

Khazanov A.M. (2008) Whom to Mourn and Whom to Forget? (Re)constructing Collective Memory in Contemporary Russia. *Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 9. No. 2–3. P. 293–310. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14690760802094917>

Khlevnyuk D. O. (2019) Narrowcasting Collective Memory Online: "liking" Stalin in Russian Social Media. *Media, Culture & Society*. Vol. 41. No. 3. P. 317–331. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443718799401>

Khlevnyuk D. O., Maksimova A. S. (2021) Rodiny nashego straha: recepciya fil'ma YUriya Dudya «Kolyma» v social'nyh setyah [Birthplaces of Our Fear: Reception of Yuri Dud's Documentary "Kolyma" in Social Media]. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 4. P. 28–46. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.2>

Knudsen B.T., Ifversen J. (2017) Commemoration, Heritage, and Affective Ecology—The case of Utøya. In: D.P. Tolia-Kelly, E. Waterton, S. Watson (eds.) *Heritage, Affect and Emotion—Politics, Practices and Infrastructures*. London: Routledge. P. 219–236.

Malinova O. U. (2018) Constructing the "Usable Past": the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia. In: N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa (eds.) *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia*. Boston: Brill. P. 85–104.

Massumi B. (2020) Avtonomiya affekta [Effect autonomy]. *Philosophy Journal*. Vol. 13. No. 3. P. 110–133. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-3-110-133> EDN: [GRPPAN](https://www.edn.ru/GRPPAN)

Merrill S., Keightley E., Daphi P. (2020) Introduction: The Digital Memory Work Practices of Social Movements. In: S. Merrill, E. Keightley, P. Daphi (eds) *Social Movements, Cultural Memory and Digital Media*. P. 1–30. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-32827-6_1

Micieli-Voutsinas J. (2017) An Absent Presence: Affective Heritage at the National September 11th Memorial & Museum. *Emotion, Space and Society*. Vol. 24. P. 93–104. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.emospa.2016.09.005>

Munroe L. (2016) Constructing Affective Narratives in Transatlantic Slavery Museums in the UK. *Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infrastructures*. P. 114–132.

Nikolai F.V. (2016) Rec. na kn.: Sergey Ushakin, Aleksey Golubev (eds.). XX vek: pisma voiny. Antologiy voennoy korrespondencii [Book Review: Sergey Ushakin, Alexey Golubev (eds.). The Twentieth Century: Letters of War. Anthology of Military Correspondence]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 37. P. 233–243. (In Russ.) EDN: [OUHCKV](https://www.edn.ru/0UHCKV)

Olick J.K., Robbins J. (1998) Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. No. 1. P. 105–140. DOI: <https://doi.org/10.1146/ANNUREV.SOC.24.1.105>

Santino D. (2019) Performativnye kommemorativy: spontannye svyatilishcha i publichnaya memorializaciya smerti [Performative Memoratives: Spontaneous Sanctuaries and Public Memorialization of Death]. *Fol'klor i antropologiya goroda* [Urban Folklore and Anthropology]. Vol. 2. No. 1–2. P. 14–26. (In Russ.) EDN: [LQBQPT](https://www.edn.ru/LQBQPT)

Sather-Wagstaff J. (2017) Making Polysense of the World. In: D.P. Tolia-Kelly, E. Waterton, S. Watson (eds) *Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infrastructures*. New York: Routledge. P. 12–31.

Schwartz B. (2016) Rethinking the Concept of Collective Memory. In: D.P. Tolia-Kelly, E. Waterton, S. Watson (eds.) *Routledge International Handbook of Memory Studies*. New York: Routledge. P. 9–21.

Winter J. (2010) Introduction. The Performance of the Past: Memory, History, Identity. In: K. Tilman, F.V. Vree, J.M. Winter (eds.) *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*. Amsterdam: Amsterdam University Press. P. 11–35. DOI: <https://doi.org/10.5117/9789089642059>

Yudin G.B., Khlevnyuk D.O., Maksimova A.S., Farhatdinov N.G., Rozhanskij M.YA., Vasil'eva E.YU. (2016) *Analiticheskij otchet “Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii?”* [Analytical Report “What Kind of Past Does the Future of Russia Need?”]. (In Russ.)

Zavadskij A., Sklez V., Suverina K. (2019) Predislovie. Razum i chuvstva: publichnaya istoriya v muzee [Preface. Mind and Feelings: A Public History in a Museum]. In: A. Zavadskij, V. Sklez, K. Suverina (eds.) *Politika affekta: muzej kak prostranstvo publichnoj istorii* [The Politics of Affect: the Museum as a Space of Public History]. Moscow: NLOBooks. (In Russ.)

Zevako YU.V. (2022) Tema “Potomkov Palachey” v diskurse pamyati ob epohe politicheskikh repressij (2/2 2010-h — nachalo 2020-h gg.) [The Theme of “Descendants of the Executioners” in the Discourse in Memory of the “Era Political Repressions” (2/2 2010s — early 2020s)]. *Zhurnal Frontirnyh Issledovanij* [Journal of Frontier Studies]. Vol. 6. No. 2. P. 26–46. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i2.392> EDN: [EJGBPI](https://www.edn.ru/EJGBPI)

Author bio:

Tatyana E. Dautova — MA Student, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** te.dautova@gmail.com. **ORCID:** [0000-0001-8152-1817](https://orcid.org/0000-0001-8152-1817); **ResearcherID:** [GYV-5843-2022](https://www.researcherid.com/ID/GYV-5843-2022).

Received: 05.11.2022

Accepted: 10.12.2022